

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ В СИСТЕМЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-124-153

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ*

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф. кафедры современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

В настоящей статье представлены результаты исследования новых форм социального неравенства, а также особенностей их проявления в современной России, проведенного сотрудниками кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Социальное неравенство в целом определяется как специфическая форма социальной стратификации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои или классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными возможностями удовлетворения своих материальных, социальных или духовных потребностей. Большое внимание уделяется анализу идеологических основ глобального социального неравенства, которое включает в вертикальную иерархию индивидов, социальных групп, классов и слоев также национальные государства, которые соответствующим образом ранжируются в рамках мирового сообщества. Доказан тот факт, что в основе глобального социального неравенства лежит “рыночный фундаментализм” — особый тип политического мышления, возводящий принципы “невидимой руки рынка” и “невмешательства государства в экономическую деятельность хозяйствующих субъектов” на уровень догмы тоталитарного типа. Практическое воплощение данной догмы влечет за собой воспроизводство социального неравенства и крайне несправедливых социальных отношений в глобальном масштабе.

Среди форм глобального социального неравенства ведущую роль играет неравенство ресурсное, однако наряду с ресурсным достаточно ярко проявляют себя такие относительно новые формы социального неравенства, которые вы-

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-01106 “Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России”.

** Осипова Надежда Геннадьевна, e-mail: ngo@socio.msu.ru

делил шведский социолог Г. Терборн — неравенство витальное и неравенство экзистенциальное¹.

Витальное или биологическое неравенство фиксирует базовую характеристику человеческого существования, поскольку обращается к таким категориям, как, например, окружающая среда и здоровье. Экзистенциальное неравенство очерчивает систему иерархий, основанных на категориях включения/исключения (социальной инклюзии/эксклюзии). В статье детально рассматриваются особенности проявления всех этих форм социального неравенства как в рамках мирового сообщества, так и в России. Кроме того, обоснован новый методологический подход к анализу неравенства с позиций социального конструктивизма, когда вопрос о том, что составляет основание социального неравенства, был дополнен вопросом о том, как сами люди производят и воспроизводят социальное неравенство в обычных практиках повседневной социальной жизни.

Ключевые слова: социальное неравенство, глобальное социальное неравенство, витальное и экзистенциальное неравенство, инвайронментальное неравенство, пространственное неравенство, “социальное неравенство в отношении здоровья”, социальная эксклюзия, цифровой разрыв, символическая категоризация, воспроизводство социального неравенства в повседневной практике.

SOCIAL INEQUALITY IN THE MODERN WORLD

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

This article presents the results of a study of new forms of social inequality, as well as the features of their manifestation in modern Russia, carried out by employees of the Department of Modern Sociology of the Sociology Faculty of Moscow State University named after M. V. Lomonosov. Social inequality as a whole is defined as a specific form of social stratification in which individual individuals, social groups, layers or classes are at different levels of the vertical social hierarchy and have unequal opportunities to satisfy their material, social or spiritual needs. Much attention is paid to the analysis of the ideological foundations of global social inequality, which also includes national states in the vertical hierarchy of individuals, social groups, classes, and layers, which are accordingly ranked within the framework of the world community. It is proved that global social inequality is based on “market fundamentalism” — a special type of political thinking that elevates the principles of the “invisible hand of the market” and “non-interference of the state in the economic activities of economic entities” to the level of a totalitarian type of dogma. The practical embodiment of this dogma entails the reproduction of social inequality and extremely unfair social relations on a global scale.

Among the forms of global social inequality, the leading role is played by resource inequality, however, along with the resource inequality, relatively new forms of social inequality are quite clearly manifested, which the Swedish sociologist G. Terborn singled out — vital inequality and existential inequality.

¹ Terborn G. Inequalities of the world: new theoretical frameworks, multiple empirical approaches. L., 2006.

Vital or biological inequality captures the basic characteristic of human existence, since it refers to categories such as, for example, environment and health. Existential inequality outlines a system of hierarchies based on inclusion / exclusion categories (social inclusion / exclusion). The article discusses in detail the features of the manifestation of all these forms of social inequality both within the world community and in Russia. In addition, a new methodological approach to the analysis of inequality from the standpoint of social constructivism was substantiated, when the question of what constitutes the basis of social inequality was supplemented by the question of how people themselves produce and reproduce social inequality in the usual practices of everyday social life.

Key words: *social inequality, global social inequality, vital and existential inequality, environmental inequality, spatial inequality, “social inequality in relation to health”, social exclusion, digital divide, symbolic categorization, reproduction of social inequality in everyday practice.*

Одной из наиболее актуальных, даже злободневных социальных проблем, которыми вплотную занимается социология, была и остается проблема социального неравенства. При этом как сама категория социального неравенства, отражающая неравномерное распределение ценных благ и привилегий в обществе, так и формы его проявления в современном мире остаются предметом острой полемики среди ученых-обществоведов.

В настоящее время никто из серьезных исследователей не отрицает тот факт, что мировое сообщество разделяет глобальное социальное неравенство, обусловленное таким объективным естественно-историческим процессом, как глобализация².

Категория “глобальное неравенство” была введена в научный оборот во второй половине XX в. и, наряду с социологией, широко используется в экономике и других науках. Достаточно часто глобальное неравенство определяется как “уровень неравенства между всеми обитателями мира, который совмещает богатых и бедных людей в Латинской Америке так же, как и в Европе или США”³, как “совокупность неравенств между национальными государствами и внутри них”⁴. Однако подобные определения глобального социального неравенства представляются размытыми и узкими. Они практически не отражают социальную природу данного явления, тем самым, не имеют особой ценности для его социологического анализа.

В современной социологической теории категория “социальное неравенство” применяется, прежде всего, для отражения сложной социальной структуры общества и обозначает “специфическую форму социальной стратификации, при которой отдельные индивиды,

² Мартыненко Т.С. Глобальное неравенство в современных социальных теориях XX — начала XXI в. // Современная социология: ключевые направления и векторы развития. М., 2018. С. 184.

³ Цит. по: Там же. С. 192.

⁴ Там же.

социальные группы, слои или классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными возможностями удовлетворения своих материальных, социальных или духовных потребностей”⁵.

Социальное неравенство — это глобальная социальная проблема, отягощающая жизнь не только членам отдельных обществ в региональном масштабе, но и угрожающая всему мировому сообществу⁶. Глобальное социальное неравенство включает в вертикальную иерархию индивидов, социальных групп, классов и слоев также национальные государства, которые соответствующим образом ранжируются в рамках мирового сообщества.

Глобальное социальное неравенство служит предметом многочисленных социологических дискуссий относительно того, “как изменяются формы, ресурсы, основания неравенства, каковы его источники и последствия в глобальном масштабе”⁷.

Причины глобального социального неравенства многие ученые объясняют абстрактно, связывают их либо с “изъянами глобализации в целом”, либо с текущим управлением экономикой и обществом, которое часто просто признается “ошибочным”. При этом они почти не уделяют внимание тому особому стилю политического мышления, который лежит в основе такого управления и который получил название “рыночный фундаментализм”⁸.

Большинство специалистов связывает термин “рыночный фундаментализм” с известным финансистом Джорджем Соросом и его книгой “Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности”, изданной в 1998 г.

Во введении к данной книге Дж. Сорос писал о том, что текущее положение дел в мировой экономике является “нездоровым и непрочным”⁹, а финансовые рынки “по своей сути нестабильны”¹⁰; предоставление

⁵ Данное определение является собирательным и было введено автором в следующих работах: *Осипова Н.Г.* Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141; *Она же.* Источники и виды социального неравенства // *Общая социология: основы современной социологической теории.* М., 2017. С. 249.

⁶ *Osipova N.G.* The global inequality: genesis, evolution, institutions and forms // *Sociologica Luca. Journal of Sociology, Social Anthropology, Social Demography and Social Psychology.* 2013. Vol. 2. N VII. P. 53.

⁷ *Мартыненко Т.С.* Глобальное неравенство в современных социальных теориях XX — начала XXI в. С. 196.

⁸ *Челищев В.И.* Либерализм — неолиберализм — рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме (*Начало*) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 27.

⁹ *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999. С. XVII.

¹⁰ Там же.

полной свободы рыночным силам не позволяет удовлетворять насущные общественные потребности и интересы. Все это — результат действия доктрины “невмешательства государства в экономику” или “свободного предпринимательства”, происходящей от французских слов *laissez faire*¹¹. Однако по мнению Дж. Сороса, “большинство людей, верящих в чудеса рынка и достоинства неограниченной конкуренции, не говорят по-французски”¹². Поэтому он нашел “более подходящее название”¹³ для этой старой по своей сути идеи — “рыночный фундаментализм”¹⁴.

Достаточно часто под рыночным фундаментализмом понимается неистовая вера в политику, базирующуюся на принципе, известном как “лэссэ-фэр” (*laissez-faire*, фр. — “не мешать”, прим. Н.О.), означающим “невмешательство государства в экономическую деятельность хозяйствующих субъектов” или “экономику свободного рынка, которая способна решить не только экономические, но и все социальные проблемы”¹⁵.

Исследователями доказано, что “рыночный фундаментализм — это результат целенаправленного процесса трансформации концепции свободы (в том числе и экономической), воплощенной в идеологии классического либерализма, через неолиберальные ее модификации, в догму тоталитарного типа”¹⁶, которая опирается на два тезиса (принципа), выдаваемых за единственно истинные. Эти тезисы, первый из которых — “о невидимой руке рынка”, а второй “о минимальной роли государства” в управлении обществом восходят не столько к учениям классиков политической экономии — А. Смита, Д. Рикардо и Ж.-Б. Сэя, сколько к монетарным теориям неолибералов — Ф. Хайека и М. Фридмена.

В свете данных теорий, “невидимая рука рынка” — это некий реально существующий саморегулирующийся механизм, который эффективно и “гибко руководит рынком изнутри”¹⁷ так, что все субъекты от этого только выигрывают. Экономическая свобода и конкуренция, основанные на “свободном предпринимательстве” и всем известном принципе “*laissez-faire*”, ведут к накоплению общественного богатства, а, следовательно, к росту благосостояния множества частных лиц и “равенству возможностей”.

Так, согласно М. Фридмену, “система свободной конкуренции высвобождает энергию и способности людей, давая им возможность

¹¹ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999. С. XVII.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Челищев В.И. Либерализм — неолиберализм — рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме (*Начало*). С. 28.

¹⁶ Там же. С. 31.

¹⁷ *Sim S. Fundamentalist world. The new dark age of dogma. Cambridge, 2005. P. 133.*

преследовать свои собственные цели, и при этом защищает их от по-мех и произвола со стороны их сограждан или властей. Свобода — это отсутствие не только унификации, но и раз навсегда установленной иерархии. У тех, кто сегодня находится в самом низу социальной лестницы, всегда существует перспектива завтра подняться на самый ее верх — и в этом процессе почти перед каждым человеком открывается благодаря свободе возможность прожить более полную и насыщенную жизнь”¹⁸. В данной связи, бытующие с XIX столетия представления о том, что “свободно-рыночный капитализм лишь углубляет неравенство, что капитализм — это система, при которой богатые эксплуатируют бедных”¹⁹, на самом деле, миф.

Суть тезиса о “минимальной роли государства” состоит в том, что государство не играет существенной роли в экономической жизни общества, а экономическая свобода индивидов не должна ограничиваться: хозяйствующие субъекты могут действовать так, как им заблагорассудится²⁰. “Никакие произвольно создаваемые препятствия не должны мешать людям достичь того положения в обществе, которое соответствует их способностям и к которому они стремятся, побуждаемые своими жизненными принципами”²¹, — писал М. Фридмен.

Безусловно, реализация этих принципов в рамках государственной политики не означает исчезновения социального неравенства: “неравенство, кажущееся несправедливым тем, кто от него страдает, разочарования, представляющиеся незаслуженными, и неудачи, ничем не вызванные, будут существовать всегда”²². Но “неравенство, обусловленное безличными силами, переносится легче и затрагивает человеческое достоинство в гораздо меньшей степени, чем неравенство намеренное. <...> безработица или потеря дохода, выпадающие на чью-то долю в любом обществе, безусловно, менее унижительны, если являются результатом неудачи, а не навязаны властями. Каким бы горьким ни был этот опыт, в планируемом обществе он окажется еще горше”²³, — отмечал Ф. Хайек,

На самом деле, неолиберальные построения хорошо вписывались в “политический проект, связанный с восстановлением условий для накопления капитала и власти экономической элиты”²⁴. Сегодня этот

¹⁸ Фридмен М. Свобода, равенство и эгалитаризм // Фридмен М., Хайек Ф. О свободе. Серия “Философия свободы”. Вып. II. М.; Челябинск, 2003. С. 142–144.

¹⁹ Там же.

²⁰ Heywood A. Political ideologies. An introduction. L., 1998. P. 53.

²¹ Ibid.

²² Хайек Ф. О свободе // Фридмен М., Хайек Ф. О свободе. Серия “Философия свободы”. Вып. II. М.; Челябинск, 2003. С. 113.

²³ Там же.

²⁴ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007. С. 31.

проект отвечает, прежде всего, интересам определенных социальных групп, так называемых “агентов глобализма”, которые усиленно способствуют продвижению публичного дискурса в сторону ассоциации глобализации с западной системой неолиберальных ценностей, поддерживающих экономику свободного рынка и потребления. В частности, они утверждают, что “глобализация неизбежна и неотвратима и означает дальнейшую либерализацию экономики и глобальную рыночную интеграцию. Глобализация приносит пользу всему мировому сообществу и способствует распространению демократии по всему миру”²⁵.

На самом деле, здесь речь идет не о глобализации как о естественном процессе интеграции человечества, а о глобализации как “модной идеологии постидеологической эпохи, которая несет в себе все черты идеологии: она оказалась исторически своевременной, была обращена к ключевым властным элитам, обладающим общими интересами, содержала критику того, что следовало отрицать, и обещала лучшее будущее”²⁶. Подобная глобализация, которая поддерживает “первенство самых богатых стран в мировых делах”²⁷, повлекла за собой воспроизводство социального неравенства и крайне несправедливых социальных отношений в глобальном масштабе. В результате жесткой монетарной политики, универсальными рецептами которой до сих пор остаются расширение частного сектора за счет приватизации социальной сферы, сокращение государственных расходов и т.п., многие государства столкнулись с масштабной безработицей, разрушением государственных предприятий, существенным увеличением числа безработных и тех, кто живет за чертой бедности. В целом список стран, которые пострадали от идеологии “глобализма”, огромен. Результатом внедрения этой идеологии стало увеличение неравенства, основанное на несправедливом распределении ресурсов (не только материальных, но и властных) между странами²⁸.

Большинство исследователей в качестве преимущественной формы проявления глобального социального неравенства рассматривает именно неравенство ресурсное, которое нередко отождествляет с экономическим неравенством. Подобное неравенство достаточно наглядно проявляет себя в соотношении численности богатого и бедного населения. Так, например, в России, “согласно официальной статистике, в 2017 г. численность бедного населения достигла 19,7 млн человек, еще

²⁵ См.: Steger M. Globalization. N.Y., 2003. P. 97.

²⁶ Бжезинский З. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006. С. 188.

²⁷ Мартинелли А. Рынки, правительства, сообщества и глобальное управление // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 25–26.

²⁸ См. подробнее: Осипова Н.Г. Рыночный фундаментализм как источник глобального социального неравенства // Представительная власть. 2018. № 5–6 (164–165). С. 1–12.

10% находились на границе бедности. И тенденции пока не обнадеживают: согласно Росстату, реальные располагаемые денежные доходы россиян в январе — сентябре 2017 г. снизились на 1,2% по сравнению с аналогичным периодом 2016 г.”²⁹

Однако наряду с ресурсным достаточно ярко проявляют себя еще две, относительно новые формы социального неравенства в глобальном масштабе, которые выделил шведский социолог Г. Терборн — неравенство витальное и неравенство экзистенциальное³⁰.

Витальное или биологическое неравенство фиксирует базовую характеристику человеческого существования, поскольку обращается к таким категориям, как, например, окружающая среда и здоровье. Экзистенциальное неравенство очерчивает систему иерархий, основанных на категориях включения/исключения (социальной инклюзии/эксклюзии). Целесообразно более подробно рассмотреть эти формы неравенства, которые активно проявляют себя в рамках мирового сообщества.

Как отмечают исследователи, во второй половине прошлого столетия человечество вступило в “век природы” — новую эпоху, когда дефицит и непрочность природного пространства стали самой драматической проблемой для будущего человека и его выживания. Произошел исторический поворот в отношениях противоборства между двумя живыми системами — миром человека и миром природы³¹. В настоящее время ускоренный индустриальный прогресс, обеспечивающий материальные блага и комфорт человеческому обществу, сопровождается нарастающим загрязнением окружающей среды, обычно пропорциональным динамике промышленного производства, разрушением природных комплексов биосферы, истощением природных ресурсов.

К сожалению, особенность человека состоит в том, что он начинает формировать свое отношение к проблемам среды обитания только тогда, когда ощущается острая нехватка того или иного из природных ресурсов, хотя уже до этого момента могут произойти непоправимые изменения. Так, учеными было показано, что любой более или менее серьезный экологический кризис в истории человечества неизбежно заканчивался катастрофой, поскольку приводил к дестабилизации, а впоследствии и к видоизменению структуры самого общества³².

Воздействие людей на окружающую среду, ее загрязнение, использование ресурсов в каждом случае происходят на конкретном национальном уровне, но эти процессы интегрируются и, в конечном

²⁹ Александрова О.А., Ярошева А.В. Усиление селективности социальной политики и перспективы снижения бедности // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 1. С. 5.

³⁰ Therborn G. Inequalities of the world: new theoretical frameworks, multiple empirical approaches.

³¹ Сен-Марк Ф. Социализация природы. М., 1977. С. 53.

³² Воронцов Н.Н. Экологические кризисы в истории человечества // Человек и его среда обитания. М., 2003. С. 25.

итоге, оказывают влияние на региональное и глобальное экологическое равновесие³³.

Обычно выделяют три категории экологических проблем, относящихся к глобальным, и которые требуют решений на международном уровне.

Во-первых, региональные проблемы, которые возникают, когда соседние страны совместно владеют общим ресурсом (например, акваторией моря) и действия одной страны затрагивают интересы других.

Во-вторых, проблемы “глобальных природных ресурсов”, таких как атмосфера и океаны, принадлежащих всему миру. Любые действия одной страны, которые влияют на такие “глобальные ресурсы”, оказывают воздействие, пусть сравнительно небольшое, на все страны.

В-третьих, проблемы ресурсов (тропических лесов, редких биологических видов), принадлежащих одной стране, но имеющих ценность для мирового сообщества³⁴.

Известно, что темпы развития негативных явлений, связанных с промышленным загрязнением окружающей среды, опережают темпы экономического роста. В то же время уровень загрязнения или разрушения окружающей среды различен как в разных странах мира, так и в отдельных их регионах, что обуславливает экологическое неравенство на различных уровнях социальной организации. Оно, в свою очередь, оборачивается для мирового сообщества в целом большим снижением производительности труда и замедлением экономического развития в целом, ухудшением здоровья населения, ведет к серьезным изменениям человеческой личности и всего социального поведения. Так, социологи установили следующую закономерность: регресс жизненной среды, сокращая достояние человечества в целом, неравномерно затрагивает его различные слои³⁵.

Например, самые неотложные экологические проблемы, стоящие перед бедными странами (небезопасная вода, неадекватное санитарное состояние, истощение почвы, дым в помещениях от очагов для приготовления пищи и дым снаружи от сжигания угля), отличаются от проблем, затрагивающих состоятельное население богатых стран (выбросы углекислоты, истощение стратосферного озонного слоя, фотохимические смоги, кислотный дождь и опасные отходы), и представляют более непосредственную угрозу для жизни. При этом некоторые потенциальные проблемы, стоящие перед бедными странами, в част-

³³ Бехар Н. Региональный подход к экологической безопасности на европейском континенте // Мир науки. 1989. № 9. С. 18–21.

³⁴ См.: Ефимов К.М. Катастрофическое состояние окружающей среды как негативная социальная реалья XXI века. Дисс. ... уч. степ. докт. социол. наук. М., 2005.

³⁵ Сен-Марк Ф. Социализация природы. М., 1977. С. 207.

ности глобальное потепление и истощение озонового слоя, обусловлены высоким уровнем потребления в богатых странах³⁶.

Также известно, что объемы твердых отходов, включая отходы, опасные для жизни, растут с индустриализацией, ростом доходов и изменением образа жизни. Их неправильное удаление может иметь негативное экологическое последствие. Организация сбора и захоронения отходов требует координации. Обычно за сбор мусора отвечают городские власти, но во многих городах сбор мусора городскими службами в лучшем случае охватывает половину его объема³⁷. Организованное удаление отходов игнорируется, или же без всякого общественного обсуждения мусор сваливается в тех местах, где беднейшее население имеет меньшее политическое влияние³⁸.

Новые отношения человечества с природой, обернувшиеся тотальным разрушением экологии планеты, возрастание рисков техногенного и природного характера и увеличение числа заболеваний, вызванных загрязнением окружающей среды, вызвали повышенный интерес ученых к такой форме социального неравенства, как инвайронментальное неравенство.

Термин “инвайронментальное неравенство”, также как и термин “экологическое неравенство”, используется для изучения неравенства в области распределения экологических благ. Однако он фиксирует не только влияние природы на общество и человека, но еще и влияние на них особенностей городской среды, в которой сегодня проживает большая часть населения планеты.

Действительно, исследователями доказано, что степень деградации жизненной среды определяется характером развития урбанизационного процесса³⁹.

Жизнь города неизбежно оказывает негативное влияние на окружающую среду, вызывает ее деградацию, порождая широкомасштабные долгосрочные последствия, которые будут сказываться на протяжении жизни нескольких поколений⁴⁰. Путем перенасыщения некоторых точек природного пространства города оставляют на земле тот негативный экологический отпечаток, который называется “экологическая

³⁶ *Collier P., Lal D. Poverty and growth in Kenia // World Bank Staff Working Paper 389. Washington, 1990. P. 101–102.*

³⁷ *Kamel L. Urban governance: the informal sector and municipal solid waste in Cairo // ARCHIS. 2002. N 12.*

³⁸ *Bartone C. Institutional arrangements for solid waste management in metropolitan areas. Washington, 2002. S. 158.*

³⁹ См.: *Ефимов К.М. Катастрофическое состояние окружающей среды как негативная социальная реалья XXI века. Дисс. ... докт. социол. наук. М., 2005.*

⁴⁰ *McGranahan G., Satterhwaite D. Environmental health of ecological sustainability reconciling the brown and greed agendas in urban development // Sustainable Cities in Developing Countries / Ed. by C. Pugh. L., 2000. S. 267.*

проекция городов”⁴¹. В результате расширения городов и плохого использования территории, строительство локализуется в очень больших агломерациях, где оно увеличивает концентрацию населения, на их периферии, где оно постоянно все дальше оттесняет сельскую местность, в зеленых пространствах, которые оно необратимо разрушает, на землях общественного пользования, которые оно отнимает у нации.

Существенное скопление людей в тесных кварталах больших городов не только создает опасность углубления традиционных социальных проблем, оно влечет за собой тяжелые экологические последствия, вызывает угрозу здоровью и безопасности горожан. Особенно страдают те из них, кто живет в условиях отсутствия канализации и удаления сточных вод, в зонах, подверженных стихийным бедствиям⁴².

Ученые также установили, что масштабы экологических проблем существенно зависят от уровня городского развития.

В крупных городах с низким уровнем доходов к водопроводу и канализации подключено менее половины домашних хозяйств, а потребление воды вдвое меньше, чем в городах с нижним средним уровнем доходов. В беднейших городах только треть твердых отходов правильно перерабатывается, и только самые богатые города могут себе позволить очистку сточных вод. Частично отражает плохое состояние окружающей среды и тот факт, что средние коэффициенты смертности детей в возрасте до пяти лет в самых бедных городах в два раза выше, чем в городах следующей категории по доходам, и в 20 раз выше, чем в самых богатых городах.

Для крупных городов с низким уровнем развития характерно и то, что многие горожане подвергаются экологическим рискам из-за плохих жилищных условий. Эти домашние хозяйства практически не способны создавать смягчающие удары защитные механизмы или же потребовать улучшения соответствующих услуг. Больше всего от этого страдают дети, женщины, пожилые и больные люди, домохозяйки.

В более бедных городах плохо управляемый рост приводит к деградации природных ресурсов, в особенности водоразделов, почв, прибрежных зон, из-за неконтролируемого сброса сточных вод, плохой переработки твердых отходов и отсутствия системы стока дождевых вод. Напротив, многие проблемы загрязнения окружающей среды в более богатых городах, например, выбросы парниковых газов в результате сжигания углеводородного топлива, возникают из-за образа жизни, связанного с высоким уровнем потребления и соответственно высоким уровнем расхода природных ресурсов⁴³.

⁴¹ Rees W. Is sustainable city an oxymoron? // *Local Environment*. 1997. N 2. S. 303.

⁴² См.: Ефимов К.М. Катастрофическое состояние окружающей среды как негативная социальная реалья XXI века. Дисс. ... докт. социол. наук. М., 2005.

⁴³ Доклад о мировом развитии 2003 года. Устойчивое развитие в меняющемся мире. Преобразование институтов, рост и качество жизни. М., 2003. С. 111.

Несмотря на различия в проявлении инвайроментального неравенства и его связи с уровнями доходов и потребления, в странах со средним уровнем доходов жители городов страдают как от традиционных, так и от современных видов ущерба, таких как воздействие вредных отходов и химических загрязнителей⁴⁴.

Следует отметить, что все более актуальной проблемой для городов современного мира становится пространственное неравенство. Наиболее ярким его проявлением считают пространственную сегрегацию, однако, последние десятилетия свидетельствуют о том, что все более распространенным процессом и причиной массовых протестов в разных городах мира становится джентрификация.

Термин “джентрификация” был введен в научный оборот в 1960-х гг. британским социологом Р. Гласс, которая обратила внимание на изменение социального облика ряда районов Лондона вследствие того, что бывшие “кварталы рабочего класса” “захватывают” представители средних слоев⁴⁵. Однако сегодня его значение гораздо шире. Зачастую строительными площадками становятся бывшие промышленные зоны, которые занимают значительную территорию во многих городах, например, на территории старой Москвы их площадь по разным оценкам составляет 13–17%⁴⁶. Анализ вторичных данных указывает, что реконструкция так называемых “ржавых поясов” может рассматриваться как разновидность пространственного неравенства в форме джентрификации.

Однако застройка бывших промышленных зон, как правило, не ведет к серьезным социальным последствиям. Более того, реновация промышленных зон предполагает скорее положительные последствия для города, поскольку депрессивные районы обретают точки притяжения и новые возможности для развития. Главная угроза, которая существует в данном случае, обычно заключается в опасности утраты памятников архитектуры, существующих на бывших промышленных предприятиях⁴⁷.

Гораздо более серьезные социальные последствия возникают в том случае, если джентрификация представляет собой реновацию жилых кварталов, на которую в свое время обратила внимание Р. Гласс. Джен-

⁴⁴ Bangladesh: climate change and sustainable development // World Bank Report 21104-BD. Washington, 2000.

⁴⁵ Glass R. London: aspects of change. L., 1964. P. XVIII.

⁴⁶ Подробнее см.: Вершинина И.А., Курбанов А.Р., Лядова А.В. Промышленные зоны в современных городах: источник социально-экологического неравенства или возможности для процветания? // Экология и промышленность России. 2018. Т. 22. № 8. С. 65–71.

⁴⁷ Luhn A. Moscow's industrial heritage 'at risk' in rush to redevelop old Soviet sites. URL: <https://www.theguardian.com/cities/2016/aug/17/moscow-soviet-heritage-risk-redevelop-industrial-zil-car-factory> (accessed: 10.05.2019).

трификация жилых районов, как правило, ведет к масштабному переселению прежних жителей. В 1980–1990-х гг. джентрификация привела к появлению большого числа бездомных, что вызвало социальные протесты. Однако тактика “нулевой толерантности”, предусматривающая жесткие наказания даже за незначительные правонарушения преимущественно во время акций протеста, была заимствована у американской полиции и быстро получила распространение в разных городах мира⁴⁸. Исследователи фиксируют новый авторитаризм, который отстраняет оппозицию и делает улицы безопасными для джентрификации⁴⁹, но нарушает принцип социальной справедливости.

Сотрудниками кафедры современной социологии И.А. Вершининой и Т.С. Мартыненко установлен факт, что для российских городов пространственное неравенство характерно в меньшей мере, чем для большинства городов мира вследствие советского прошлого, когда отсутствовала существенная разница между доходами социальных групп, все строящиеся районы обеспечивались необходимой инфраструктурой вне зависимости от того, для кого они предназначались. Дифференциация различных районов города и их деление на престижные и непрестижные были результатом заселения домов или районов представителями определенных профессий или сотрудниками тех или иных предприятий. Однако в условиях капиталистической экономики на постсоветском пространстве, в том числе, и в российских городах актуализируются проблемы пространственного неравенства, последствия которых все чаще ощущают на себе жители российских городов.

На основе вторичного анализа данных установлено, что в России проблема пространственного неравенства имеет свою специфику. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики за 2017 г., экологические риски неравномерно распределяются по территории страны. Кроме того, как показал корреляционный анализ данных, специфика подобного неравенства в России имеет региональные особенности, что обусловлено большими возможностями центра по сравнению с периферией.

Так, экономический центр страны, Москва, аккумулирует множество производств и ресурсов, в том числе трудовых, предлагая один из самых высоких уровней дохода по стране. Вместе с тем столица страны активно выводит свои экологические риски за пределы региона, от чего больше всего страдает Московская область, что приводит к дисбалансу в развитии региона. Например, статистика подтверждает, что средне ожидаемая продолжительность жизни для столицы составляет более 77 лет, а для области — 72,5. Также выбросы в атмосферу загрязняющих веществ от стационарных источников составляют 63,0 тыс. т в Москве и

⁴⁸ *Smith N.* New globalism, new urbanism: gentrification as global urban strategy // *Antipode*. 2002. Vol. 34. N 3. P. 442.

⁴⁹ *Ibid.*

253,3 тыс. т в Московской области, сброс загрязненных сточных вод — 825 млн м³ и 1067 млн м³ соответственно.

Однако наиболее актуальная проблема, вызвавшая сейчас большой общественный резонанс — мусорные полигоны, которые находятся за пределами Москвы и подчас представляют угрозу для здоровья жителей области. Несмотря на высокий уровень экологического неравенства, в России фактически остается не востребуемым понятие экологической справедливости. Можно выделить несколько причин подобного положения дел. Во-первых, недостаточная осведомленность людей о загрязнении окружающей среды и негативных процессов с этим связанных. Во-вторых, серьезная обеспокоенность граждан иными социальными проблемами общества, на фоне которых экологические проблемы (носящие часто латентный характер) кажутся менее значимыми⁵⁰.

Витальное неравенство также тесно связано со здоровьем населения нашей планеты. Согласно “Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года”, принятой государствами-членами ООН в 2015 г., в качестве одной из приоритетных целей, стоящих перед мировым сообществом, является обеспечение здоровья всех и каждого, независимо от уровня дохода, места проживания⁵¹.

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, по-прежнему сохраняются различия в уровне рождаемости и смертности, и распространенности заболеваний, и продолжительности жизни как между различными социальными группами внутри отдельной страны, так и среди населения разных государств, что очевидно имеет негативные последствия для реализации поставленных целей устойчивого существования мирового сообщества.

Сохранение социального неравенства в уровне здоровья обусловлено не только глобальным характером и длительностью существования данного феномена, но и отсутствием четкого определения факторов, детерминирующих его формирование. В данной связи интерес представляет исследование, проведенное в отношении социального неравенства в сфере здоровья сотрудником кафедры современной социологии А.В. Лядовой.

Само понятие “социальное неравенство в отношении здоровья” было впервые сформулировано М. Уайтхед, экспертом Всемирной Организации Здравоохранения в 1992 г., которая определила его как “различия в состоянии здоровья, которые не являются непреодолимыми, а поэтому могут рассматриваться как несправедливые”⁵². Исходя

⁵⁰ См. также: *Вершинина И.А., Мартыненко Т.С.* Проблемы утилизации отходов и социально-экологическое неравенство // *Экология и промышленность России.* 2019. № 5. С. 52–55.

⁵¹ United Nations. Sustainable development goals. 17 Goals to transform our world. URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/health/> (accessed: 12.05.2019).

⁵² *Whitehead M.* The concepts and principles of equity and health // *International Journal of Health Services: Planning, Administration, Evaluation.* 1992. Vol. 22 (8). P. 429–445.

из данных, полученных в ходе масштабного исследования состояния здоровья населения в разных странах мира, были выделены такие ключевые особенности этих различий, как систематичность и несправедливый характер⁵³.

Однако рассматривая проблему “социального неравенства в отношении здоровья” в исторической перспективе, становится очевидно, что различия между состоянием здоровья отдельных групп и стран всегда существовали, причем, в определенной степени это обусловлено биологической природой самого человека, влиянием эндогенных факторов на его здоровье. Поэтому одним из направлений в исследовании социального неравенства в отношении здоровья стало выявление тех индикаторов, которые указывают на социальную обусловленность преждевременной смертности, низкой рождаемости, невысокой продолжительности жизни.

Так, по итогам работы Комиссии, созданной в 2005 г. под эгидой Всемирной Организации Здравоохранения для выявления социальных факторов, оказывающих влияние на здоровье и обуславливающих различия в его уровне между отдельными социальными группами, было установлено, что к ним относятся условия проживания, трудовой деятельности, доступность медицинских ресурсов, социальная политика государства в сфере здравоохранения, уровень состояния окружающей среды, а также характер распределения материальных ресурсов между всеми социальными группами, что определяется политической конъюнктурой⁵⁴.

Выявленные социальные факторы неравенства в отношении здоровья были обозначены как социальные детерминанты здоровья⁵⁵. Их определение позволило внести уточнения в само понятие социального неравенства в отношении здоровья. Так, американской исследовательницей П. Брейвман была предложена следующая его интерпретация: “социальное неравенство в отношении здоровья — это систематические различия в здоровье (или в изменяемых рисках для здоровья) в зависимости от социального преимущества, означаящего относительное положение в социальной иерархии, определяемое богатством, властью

⁵³ Whitehead M., Dahlgren G. Concepts and principles for tackling social inequities in health: Levelling up Part 1. WHO Collaborating Centre for Policy Research on Social Determinants of Health. Liverpool, 2007. P. 45.

⁵⁴ World Health Organization. Commission on social determinants of health. Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health // Final Report of the Commission on Social Determinants of Health. Geneva, 2008. URL: http://www.who.int/social_determinants/thecommission/finalreport/en/ (accessed: 02.04.2019).

⁵⁵ См.: Уайтхед М., Дальгрэн Г. Концепции и принципы преодоления социального неравенства в отношении здоровья: восходящее выравнивание. Ч. 1 // Исследования социальных и экономических детерминантов здоровья населения. 2008. № 2. С. 1–135.

и/или престижем”⁵⁶. Причем особый акцент П. Брейвман в своей работе делает на влиянии политической власти на состояние здоровья населения: “...разумно утверждать, что соответствующие различия — это те различия, на которые может повлиять политика при наличии политической воли, при условии, что такая политическая воля, по крайней мере, теоретически возможна в будущем”⁵⁷.

Таким образом, социальное неравенство в сфере здоровья, прежде всего, является следствием несправедливого неравномерного доступа индивидов к основным ресурсам по поддержанию и сохранению своего здоровья.

Для России социальное неравенство в сфере здоровья может быть отнесено к новым, отличным от традиционных “экономических”, форм социального неравенства, оформившихся за последние годы, что объясняется особенностями ее проявления.

Как известно, до начала 1990-х гг. в рамках функционирования советской системы здравоохранения проблема социального неравенства в сфере здоровья среди россиян не рассматривалась как актуальная в силу существовавших для всех приблизительно равных возможностей медицинского обеспечения, уровня и качества жизни. С началом 1990-х гг. наша страна перешла на путь формирования общества нового типа, за основу социально-экономического развития которого были взяты рыночные отношения, индивидуализация общества, что привело к значительному дисбалансу в уровне и качестве жизни различных социальных групп.

Ключевым направлением предпринятых преобразований стала активная коммерциализация всех сфер жизни, в том числе, и системы здравоохранения, которая претерпела множественное реформирование и до настоящего момента находится в достаточно динамичном состоянии. Главным нововведением в сфере охраны здоровья стало создание системы добровольного медицинского страхования и коммерческих медицинских центров, оказывающих населению широкий спектр услуг в отношении здоровья на платной основе⁵⁸.

Следствием указанных изменений в условиях усилившегося социально-экономического расслоения нашего общества стал заметный дисбаланс в состоянии здоровья населения центра и периферии. Это особенно наглядно отразилось на таких показателях, как структура заболеваемости (наиболее распространенные болезни), смертность, продолжительность жизни, рождаемость и младенческая смертность,

⁵⁶ *Braveman P.* Health disparities and health equity: concepts and measurement // *Annual Review of Public Health.* 2006. N 27. P. 167–194.

⁵⁷ *Ibid.* P.169.

⁵⁸ Федеральный закон РФ от 21.11.2011 № 323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”. URL: <http://www.roszdravnadzor.ru/documents/100> (дата обращения: 12.05.2019).

что привело к формированию так называемого дефицита здоровья среди населения регионов⁵⁹. Данное понятие, введенное профессором эпидемиологии и общественного здравоохранения М. Мармотом, означает число жизней, которые можно было бы сохранить, если у всех групп общества был бы такой же уровень здоровья, как и у наиболее благополучной⁶⁰.

Пространственная дифференциация проявляется и в процессе реализации новой модели системы здравоохранения в России. С 2017 г. в России принята Программа по развитию цифровой экономики, в рамках которой предусмотрено создание цифрового здравоохранения, что подразумевает электронное управление данными, их хранение, формирование виртуальных приемных, мониторинга за состоянием больных, онлайн-консультации и т.п. Однако цифровизация системы охраны здоровья, несмотря на существующие преимущества, пока не способна до конца преодолеть проблему пространственного неравенства в сфере охраны здоровья по причине ограниченной доступности информационно-коммуникативных технологий в регионах.

Таким образом, по сравнению с другими странами, в которых данная проблематика, прежде всего, обусловлена именно неравным доступом к медицинским ресурсам отдельных социальных групп, в нашем государстве данный вопрос связан с неравномерным распределением ресурсов по поддержанию и сохранению здоровья между центром и периферией⁶¹.

Как уже было отмечено выше, основной формой проявления так называемого экзистенциального неравенства является социальная эксклюзия.

Анализ существующих в современной социологической теории основных методологических подходов к понятию “социальная эксклюзия” (Х. Сильвер, Р. Мунка, Д. Гордона и Р. Левитас, Т. Аткинсона) показал, что наиболее часто понятие “социальная эксклюзия” определяется как отсутствие доступа к: 1) доходам и другим материальным ресурсам, 2) рынку труда, 3) услугам, 4) социальным отношениям.

Особенностью этого понятия является то, что оно имеет как чисто материальное выражение (в виде доступа к определенным материальным благам), так и социальное измерение. Так, социальная эксклюзия мешает участию в нормативно предписанных видах деятельности

⁵⁹ Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. М., 2017. С. 686.

⁶⁰ *Marmot M.* The status syndrome: how social standing affects our health and longevity. L., 2004.

⁶¹ См.: *Лядова А.В., Лядова М.В.* Социальная инновация как способ преодоления социального неравенства в отношении здоровья // Общество, социология, психология, педагогика. 2018. № 5. С. 15–19; *Лядова А.В., Лядова М.В.* Социально-правовые аспекты развития цифрового здравоохранения // Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева. 2018. Т. 19. № 6. С. 268.

данного общества, ограничивает доступ к информации, ресурсам, сокращает возможности по достижению личных целей.

Наглядным примером социальной эксклюзии является ограничение доступа к ресурсам, связанным с информационно-цифровыми технологиями (так называемое цифровое неравенство или “цифровой разрыв”).

Известно, что создание новых коммуникационных технологий на базе интернета (в том числе, электронной почты, форумов, досок объявлений, поиска информации в сети и т.п.) открыло доступ к определенным возможностям не только для профессиональных программистов и технически подготовленных специалистов, но для обычных людей (пользователей). Активное и повсеместное распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) стало источником нового социального разрыва — между теми, кто имеет доступ к этим технологиям и вытекающим из них преимуществам, а также теми, у кого такой доступ отсутствует или ограничен.

Как отмечают сотрудники кафедры современной социологии Д.Е. Добринская и Т.С. Мартыненко, в современной социологической литературе представлено множество различных подходов к изучению цифрового разрыва⁶², однако единого понимания данной проблемы до сих пор нет. В качестве методологической основы для анализа цифрового разрыва используется его трехуровневое членение.

Первый уровень разрыва фиксирует разницу в доступе к информационно-коммуникационным технологиям. Такой доступ предполагает наличие или отсутствие соответствующей материальной базы. Речь идет не только о владении специальными техническими средствами, обеспечивающими доступ в интернет, но и о наличии самого доступа, а также о качестве доступа к сети.

Второй уровень цифрового разрыва позволяет определить дифференциацию в наличии необходимых для эффективного использования ИКТ цифровых навыков. В частности, исследуется уровень владения навыками поиска информации в сети, качественного отбора контента интернет-ресурсов и его последующего использования; изучаются показатели уровня цифровой грамотности; анализируются мотивы использования интернет-ресурсов; выявляется число тех пользователей, которые способны создавать новый контент, новые программные продукты.

Наконец, третий уровень цифрового разрыва выявляет жизненные шансы и возможности, обусловленные наличием доступа к ИКТ и об-

⁶² См.: *Deursen A.J. van, Dijk J.A. van. The digital divide shifts to differences in usage // New Media & Society. 2014. Vol. 16. N 3. P. 507–526; Dijk J.A. van. A theory of the digital divide // Informationsgerechtigkeit / Ed. by A. Schullerr-Zwierlein, N. Zillien. Berlin, 2012. P. 29–45; Hargittai E. Second-level digital divide: differences in people's online skills // First Monday. 2002. Vol. 7. N 4; The digital divide: the Internet and social inequality in international perspective / Ed. by G.W. Muschert, M. Ragnedda. L., 2015.*

ладанием определенным набором цифровых навыков для эффективного использования этих технологий. Именно здесь простая дифференциация в доступе и навыках превращается в новую форму социального неравенства, поскольку факторы первого и второго разрывов оказывают влияние на социальное положение индивида, его профессиональные возможности, социальный статус, карьерные перспективы и, в целом, на возможности быть полноценным членом цифрового общества.

Следует отметить, что сотрудниками кафедры современной социологии социологического факультета МГУ Д.Е. Добринской и Т.С. Мартыненко предложена агрегированная модель цифрового неравенства, позволяющая зафиксировать многоаспектность рассматриваемой проблемы. Основными компонентами этой модели являются материальный доступ, цифровые навыки использования, уровень цифровизации жизни и жизненные шансы⁶³. Анализ, проведенный с применением данной модели, позволил констатировать наличие ряда весьма существенных факторов, поддерживающих наличие цифрового неравенства в российском обществе.

Во-первых, в РФ первая “Стратегия развития информационного общества” была разработана лишь во второй половине 2000-х гг. Этот факт объясняет довольно скромные позиции страны (как правило, между 30-м и 40-м местом) в различных международных рейтингах (к примеру, по уровню развития ИКТ⁶⁴, индекс сетевого мира⁶⁵, индекс цифровизации экономики⁶⁶ и т.п.).

Во-вторых, существует высокий уровень дифференциации доходов как между отдельными домохозяйствами, так и между регионами внутри страны. Результаты исследования, проведенного в 2018 г., показали, что чем выше достаток россиян, тем чаще они выходят в интернет⁶⁷. Так, среди наименее обеспеченного и бедного населения высок процент тех, кто вовсе не пользуется интернетом (40 и 40% для обеих групп), а обеспеченные группы, напротив, обычно пользуются интернетом ежедневно (69% для среднего класса и 86% — для людей с высоким уровнем доходов).

В-третьих, причиной цифрового неравенства в России является неравномерное развитие телекоммуникационной инфраструктуры, большая разница в стоимости и качестве услуг между регионами. По-

⁶³ Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120.

⁶⁴ ICT Development Index (Informationa Telecommunication Union).

⁶⁵ Network Readiness Index (World Economic Forum).

⁶⁶ E-Intensity Index (Boston Consulting Group).

⁶⁷ НАФИ. Чем больше заработок, тем чаще россияне выходят в интернет. URL: <https://nafi.ru/analytics/chem-bolshe-zarabotok-tem-chashche-rossiyane-vykhodyat-v-internet/> (дата обращения: 06.12.2018).

вышенных затрат требует обеспечение интернетом сельской местности в России. В то же время необходимо отметить, что в Российской Федерации по последним данным более 76% населения страны пользуются интернетом⁶⁸, что существенно превышает среднемировое значение. Проведенный анализ позволяет зафиксировать значительное неравенство в доступе к ИКТ жителей разных российских регионов, что объясняется не только экономическими причинами, но и наличием определенной культурной специфики, ментальности, а также наличием языковых барьеров.

Наконец, цифровое неравенство можно объяснить и целями использования интернета (бизнес, учеба, развлечения и другие). При этом уровень владения цифровыми навыками у российских пользователей свидетельствует о необходимости интенсификации работы по его повышению.

Специфической особенностью проявления “цифрового неравенства” в России является то, что только каждый четвертый россиянин имеет высокий уровень цифровой грамотности (26% россиян продемонстрировали высокий уровень базовых компетенций в цифровой среде), а доля ИТ-специалистов в общей численности занятых не превышает 2%, в то время как в Финляндии, Швеции, Великобритании — достигает 5–6%. Индекс цифровой грамотности составил 52 п.п. из 100 возможных. При этом россиянам свойственна легкомысленность в сфере защиты информации: только 38% респондентов делают резервные копии собственных данных, а 44% пользователей не знают, как правильно поступать в случае получения от знакомого человека письма с вирусом⁶⁹.

Несмотря на определенные отличия, в России наблюдается общемировая тенденция сохранения цифрового разрыва в использовании новейших технологий между поколениями. У старших возрастных групп существенно снижается активность в сети, приоритет отдается просмотру контента, а не его созданию. Тем не менее, следует отметить, что среди людей старшего возраста (55 лет и старше) доля пользователей интернета растет, в том числе за счет увеличения числа пользователей мобильного интернета⁷⁰.

Следует отметить, что в последнее время наблюдается еще одна интересная тенденция, которая задает новую перспективу анализа цифрового разрыва. Эта тенденция свидетельствует о том, что люди, имеющие высокий социальный статус и доход, могут позволить себе

⁶⁸ World Internet Users Statistics and 2019 World Population Stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (accessed: 11.05.2019).

⁶⁹ НАФИ. Цифровая грамотность для экономики будущего. URL: <https://nafir.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost/> (дата обращения: 14.02.2019).

⁷⁰ GfK. Проникновение интернета в России: итоги 2017 года. URL: https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Reports/2018/GfK_Rus_Internet_Penetration_in_Russia_2017-2018.pdf (дата обращения: 14.02.2019).

намеренно отказаться от новейших гаджетов и обеспечить сетевую недоступность. Телефон с ограниченным набором функций становится своего рода новым “статусным аксессуаром”, а так называемая “сетевая недоступность” — новый модный тренд⁷¹.

Никто не оспаривает тот факт, что неравенство составляет нерв социальной структуры и социального порядка любого общества, а развитие предстает как трансформация и последовательная смена систем социального неравенства. Именно эти обстоятельства делают актуальным компонентом социального дискурса теории социального неравенства, ключевые векторы развития которых детально проанализированы профессором кафедры современной социологии Н.Л. Поляковой.

Современные теории социального неравенства разрабатываются на основе различных методологических подходов, используют различный категориальный аппарат и являются в различной степени успешными.

Как утверждает Н.Л. Полякова, коренным недостатком большинства этих теорий и методологических подходов является социологическая установка, не разделяющая структуру и агентность в теориях социального неравенства, которая просуществовала в социологии до 80-х гг. XX в. с опорой на “экономический детерминизм”, включающий индивидов в систему неравенства на основе марксистской и функционалистской парадигм, а также теорий конфликта, имеющих политэкономическое происхождение.

Только в конце XX — начале XXI в. в социологии данный упрощенный подход, укорененный в объяснительных схемах “единого фактора”⁷², был потеснен новым социально-конструктивистским методологическим трендом. В рамках теорий социального неравенства он нашел выражение в отходе от субстанционалистского видения структур социальной дифференциации. Так, вопрос о том, что составляет основание социального неравенства, был дополнен вопросом о том, как сами люди производят и воспроизводят социальное неравенство в обычных практиках повседневной социальной жизни.

Согласно методологии социального конструктивизма, структура социального неравенства является продуктом и результатом осознания социальными агентами существующих социальных отношений, выступающих не более чем “структурирующим” основанием для индивидуального определения принадлежности агента к той или иной социальной группе. Именно этот процесс индивидуального осознания и определения приводит к образованию реальных групп и классов, к формированию неравенства.

⁷¹ См. подробнее: *Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С.* Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120.

⁷² О теориях “единого фактора” см.: *Сорокин П.А.* О причинах войны, об империализме, о теории факторов народничества и многом другом // Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб., 2000. С. 28.

Именно поэтому, например, Э. Гидденс прибегает к замене термина “классовое сознание” термином “классовое осознание” и по существу совершенно по-новому пытается осмыслить то, что принято называть “субъективными моментами социальных отношений”. Суть этой попытки заключается в указании на то, что знание, рефлексивное осознание сложившихся социальных отношений конституирует социальные группы и отношения, а не просто воспроизводит их объективную данность.

Но это не просто “рефлексивное сознание”. Речь идет о значительно более сложном процессе, процессе “категоризации” и механизмах “работы представления”. Это работа по выработке категорий для экспликации и классификации, которая, как считает П. Бурдье, ведется «в каждый момент обыденного существования, вследствие той борьбы, которая сталкивает агентов, имеющих различные ощущения социального мира и позиции в этом мире, различную социальную идентичность, при помощи всевозможного рода формул: хороших или плохих заявлений, благословений или проклятий, злословий или похвал, поздравлений, славословий, комплиментов или оскорблений, упреков, критики, обвинений, клеветы и т.п. Неслучайно *kategorothai*, от которого происходят категории и категоремы, означает “обвинить публично”». ⁷³ Называть и вызывать к существованию при помощи номинации — это и есть власть (символическая по своему источнику), образовывать группы, формируя здравый смысл, консенсус как основание для любой группы. Восприятие социального мира структурировано схемами восприятия и оценивания, и все, что представлено, в частности, в языке, есть, как подчеркивает П. Бурдье, продукт символической борьбы и выражает распределение символических сил. Символическая категоризация — это и есть совокупность практик, решающих проблему единства структуры и агентности.

Символическая работа по классификации социального пространства осуществляется в форме борьбы за классификацию. Поэтому социология не может заниматься “наукой классификации”, не занимаясь “наукой борьбы за классификацию”, и не учитывать в этой борьбе за власть борьбу за монополию рациональными средствами легитимного символического насилия, а также “позицию каждого агента или группы агентов, вовлеченных в эту борьбу” ⁷⁴.

Именно в ориентации на исследование этих практик символической категоризации, опирающихся на культуру, знание, идеологию, и состоит разворот социологических теорий неравенства, призванных ответить на вопрос, как *производится* социальное неравенство с помощью практик повседневности. Такими, наиболее часто встречающимися практиками, являются практики стигматизации, лингвистической категоризации, обрядовые практики, правовые практики.

⁷³ Бурдье П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007. С. 24.

⁷⁴ Там же. С. 31.

Эти практики, являющиеся практиками повседневности, в рамках теорий социального неравенства до сих пор не получили адекватного анализа. Причинами этого являются не только доминирующие в теориях социального неравенства “экономический детерминизм” или “ресурсная перспектива”, но и очевидная недооценка роли исторического знания как источниковедческой базы в процессе построения социологических теорий.

Так, стигматизация и символическая категоризация являются одними из наиболее древних механизмов установления социального неравенства. Стигма, *stigma* — термин греческого происхождения, означающий “пятно”. Стигматизация изначально использовалась как практика нанесения различного рода телесных знаков, должных продемонстрировать моральный или социальный статус индивида, его ранг.

Первоначально стигматизации подвергались рабы, преступники. Практики стигматизации, однако, шире, чем простое использование телесных знаков в качестве механизма установления социального неравенства. Опираясь на исследование этого явления, осуществленное Г. Спенсером, можно утверждать вслед за ним, что практики стигматизации в форме различного рода изуродований — отрезание различных частей тела у пленника, указывающее на его порабощение, его рабскую принадлежность, например, пальцев рук, носов, ушей, выбивание зубов и все это различного рода практики социального контроля, которые являются одним из механизмов формирования социального неравенства и лежат в основе формирования классов. Изуродование как практика стигматизации символически закрепляет социальное неравенство и является компонентом фундаментального и исторически первого института социального контроля — института обряда. Г. Спенсер при этом был убежден, что контроль посредством обрядовых правил, будучи самым древним и предшествующим политическому и религиозному контролю, “всегда принимал, и теперь принимает, наибольшее участие в регулировании жизни людей”⁷⁵. Г. Спенсер имел в виду не только древние, но и общества середины XIX в., однако это же можно сказать и о современных обществах конца XX — начала XXI в. И речь идет не только о практиках изуродования, которые можно наблюдать в современных молодежных контркультурах и профессиональных субкультурах, а также в низших классах, примером чего могут служить столь широко распространенные татуировки, неприемлемые в среде высших классов. Эти легкие изуродования продолжают нести на себе символическую память практик стигматизации, унаследованных от “военных обществ” и даже от обществ классического модерна — татуирование матросов, наложение клейма на дезертиров, преступников, обривание головы у преступников.

⁷⁵ Философия Герберта Спенсера в сокращенном изложении Говарда Коллинса с предисловием Герберта Спенсера. СПб., 1982. С. 341.

Вместе с тем, обрядовые практики стигматизации далеко не исчерпывают весь арсенал обрядовых практик, оформившихся в домо-дерновых обществах и ориентированных на установление контроля, власти, неравенства, ранга.

Практики стигматизации, имеющие очень долгую и богатую историю, самым широким образом использовались не только в качестве системы контроля и выстраивания иерархизированного порядка, но и стали одним из механизмов образования социальных групп и даже классов. Речь идет о практиках повседневности, которые формируют посредством механизмов стигматизации базовые индивидуальные социальные неравенства. В работах М. Фуко, например, мы находим множество подобных примеров. Эти практики стигматизации произрастают из первоначальных практик изоляции больных лепрой и венерическими заболеваниями, внушавших ужас, провоцирующих использование магических обрядов очищения в отношении изгоняемых из общества и заключаемых в закрытые учреждения. Однако, как указывает Фуко, «исчезнет лепра, фигура прокаженного изгладится или почти изгладится из памяти людей, — однако все эти структуры останутся неизменными. Обычай исключения из сообщества встретится нам и через два-три столетия, зачастую в тех же самых местах. Роль, когда-то принадлежавшую прокаженному, возьмут на себя бедняки, бродяги, уголовные преступники и “повредившиеся в уме”»⁷⁶.

Бедность, бездомность, делинквентность, болезнь станут стигмами, на основе которых будут спонтанным образом формироваться в рамках повседневности практики установления неравенства.

Мы и сейчас, как свидетельствует, например, И. Гофман, при встрече с незнакомцем “можем заметить свидетельства того, что он обладает неким качеством, отличающим его от других людей его категории и являющимся нежелательным для него: если взять крайний случай, то этот человек может быть основательно испорченным, опасным или слабым. Таким образом, в нашем сознании он превращается из цельного обычного человека в неполноценного, обладающего каким-то дефектом (подпорченного). Подобное качество — это и есть стигма, особенно если речь идет об очень сильном негативном воздействии; порою его называют также недостатком, увечьем, дефектом”⁷⁷. При этом “стигма” используется И. Гофманом для обозначения “качества, выдающего какое-то постыдное качество индивида; причем характер этого качества определяется не самим качеством, а отношениями по поводу него”⁷⁸.

⁷⁶ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 2010. С. 15.

⁷⁷ Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью. С. 2–3. www.HSE.ru/Data2011/11/15.

⁷⁸ Там же. С. 3.

Гофман выделял три типа стигмы, существенно различающихся между собой. Первый тип — это телесное уродство, различного рода физические отклонения. Вторым типом связан с недостатками индивидуального характера: “...слабая воля, неконтролируемые или неестественные страсти, подлые или костные убеждения, бесчестность; о них становится известно, например, из факта умственного расстройств, заключения в тюрьму, отсутствия постоянной занятости, попыток самоубийства, радикальных политических пристрастий, склонности к наркотикам, алкоголю, гомосексуализму”⁷⁹. Третий тип — это “родовая стигма расы, национальности и религии, которая может передаваться по наследству и охватывать всех членов семьи”⁸⁰.

Стигма, согласно Гофману, является основанием для дискриминации и соответственно способствует уменьшению жизненных шансов индивида. Стигматизирование осуществляется на основе конструирования “теории стигмы, то есть символической категоризации” или идеологии, призванной обосновать “неполноценность и объяснить опасность”, которую несет носитель стигмы, т.е. стигматизируемый, а также оправдать “враждебность” по отношению к нему, которая возникает на основании других его отличий, например, его принадлежности к определенному социальному классу.

Исследования повседневных практик стигматизации свидетельствуют о их неискоренимости. Это древние практики, которые возможно в смягченном варианте и без политических следствий, но продолжают существовать в современности. Эти древние практики стигматизации служили опознавательными стигмами “свой — чужой” и появились как первичные формы различения и дифференциации, с одной стороны, и внутренней консолидации — с другой. В современности востребованы практически все они, особенно те, которые связаны с такими основаниями включения/исключения, как религия, раса, этнос, половая принадлежность.

В данной связи следует согласиться с выводом, к которому приходит Н.Л. Полякова о том, что “социология должна осуществить поворот в исследованиях социального неравенства от политико-идеологического горизонта равенства и справедливости к исследованию неравенства как системы фундаментальных специализированных практик, ориентированных на формирование социального порядка в виде социальных иерархий и различий”⁸¹.

⁷⁹ Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью. С. 4. www.HSE.ru/Data2011/11/15

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Полякова Н.Л. Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. С. 7–25.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- GfK. Проникновение интернета в России: итоги 2017 года. URL: https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Reports/2018/GfK_Rus_Internet_Penetration_in_Russia_2017-2018.pdf (дата обращения: 14.02.2019).
- Александрова О.А.* Усиление селективности социальной политики и перспективы снижения бедности // *Народонаселение*. 2018. Т. 21. № 1. С. 4–21.
- Бехар Н.* Региональный подход к экологической безопасности на европейском континенте // *Мир науки*. 1989. № 9. С. 18–21.
- Бжезинский З.* Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004.
- Бурдые П.* Социология социального пространства. М.; СПб., 2007.
- Вершинина И.А.* Проблемы утилизации отходов и социально-экологическое неравенство // *Экология и промышленность России*. 2019. № 5. С. 52–55.
- Вершинина И.А., Курбанов А.Р., Лядова А.В.* Промышленные зоны в современных городах: источник социально-экологического неравенства или возможности для процветания? // *Экология и промышленность России*. 2018. Т. 22. № 8. С. 65–71.
- Воронцов Н.Н.* Экологические кризисы в истории человечества // *Человек и среда его обитания*. Хрестоматия / Под ред. Г.В. Лисичкина, Н.Н. Чернова. М., 2003.
- Гофман И.* Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью. Ч. 1. Стигма и социальная идентичность. Ч. 2. Контроль над информацией и социальная идентичность (главы 3–6). URL: www.HSE.ru/Data2011/11/15 (дата обращения: 11.05.2019).
- Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С.* Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120.
- Доклад о мировом развитии 2003 года. Устойчивое развитие в меняющемся мире. Преобразование институтов, рост и качество жизни. М., 2003.
- Ефимов К.М.* Катастрофическое состояние окружающей среды как негативная социальная реалья XXI века: дисс. ... докт. социол. наук: 22.00.04. М., 2005.
- Лядова А.В., Лядова М.В.* Социальная инновация как способ преодоления социального неравенства в отношении здоровья // *Общество, социология, психология, педагогика*. 2018. № 5. С. 15–19.
- Лядова А.В., Лядова М.В.* Социально-правовые аспекты развития цифрового здравоохранения // *Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева*. 2018. Т. 19. № 6.
- Мартинелли А.* Рынки, правительства, сообщества и глобальное управление // *Социологические исследования*. 2003. № 1. С. 16–28.
- Мартыненко Т.С.* Глобальное неравенство в современных социальных теориях XX — начала XXI в. // *Современная социология: ключевые направления и векторы развития* / Под общ. ред. Н.Г. Осиповой. М., 2018.
- Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ. URL: <http://www.roszdravnadzor.ru/documents/100> (дата обращения: 12.05.2019).
- Осипова Н.Г.* Источники и виды социального неравенства // *Общая социология: основы современной социологической теории*. М., 2017.
- Осипова Н.Г.* Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2014. № 2. С. 119–141.
- Осипова Н.Г.* Рыночный фундаментализм как источник глобального социального неравенства // *Представительная власть*. 2018. № 5–6 (164–165). С. 1–12.
- Полякова Н.Л.* Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2018. Т. 24. № 4. С. 7–25.

- Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. М., 2017.
- Сен-Марк Ф. Социализация природы. М., 1977.
- Сорокин П.А. О причинах войны, об империализме, о теории факторов народничества и многом другом // Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика / Отв. ред. А.О. Бороноев. СПб., 2000.
- Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999.
- Уайтхед М., Дальгрэн Г. Концепции и принципы преодоления социального неравенства в отношении здоровья: восходящее выравнивание. Ч. 1 // Европейское региональное бюро ВОЗ. Копенгаген, 2008.
- Философия Герберта Спенсера в сокращенном изложении Говарда Коллинса с предисловием Герберта Спенсера. СПб., 1982.
- Фридмен М. Свобода, равенство и эгалитаризм // Фридмен М., Хайек Ф. О свободе. Серия “Философия свободы”. М., 2003. Вып. II.
- Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 2010.
- Хайек Ф. О свободе // Фридмен М., Хайек Ф. О свободе. Серия “Философия свободы”. М., 2003. Вып. II.
- Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007.
- Цифровая грамотность для экономики будущего // НАФИ: Аналитический центр. URL: <https://nafir.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost/> (дата обращения: 14.02.2019).
- Челищев В.И. Либерализм — неолиберализм — рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме (*Начало*) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 27–49.
- Чем больше заработок, тем чаще россияне выходят в интернет // НАФИ: Аналитический центр. URL: <https://nafir.ru/analytics/chem-bolshe-zarabotok-tem-chashche-rossiyane-vykhodyat-v-internet/> (дата обращения: 06.12.2018).

REFERENCES

- GfK. Proniknovenie interneta v Rossii: itogi 2017 goda [Internet penetration in Russia: 2017 results]. URL: https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Reports/2018/GfK_Rus_Internet_Penetration_in_Russia_2017-2018.pdf (data obrashcheniya: 14.02.2019) (in Russian).
- Aleksandrova O.A. Usilenie selektivnosti social'noj politiki i perspektivy snizheniya bednosti [Strengthening the selectivity of social policy and the prospects for poverty reduction] // Narodonaselenie. 2018. T. 21. N 1. S. 4–21 (in Russian).
- Bangladesh: climate change and sustainable development // World Bank Report 21104-BD. Washington, 2000.
- Bartone C. Institutional arrangements for solid waste management in metropolitan areas // Presentation in Metropolitan Governance Seminar Series, World Bank Institute, March 6. Washington, 2002.
- Bekhar N. Regional'nyj podhod k ekologicheskoj bezopasnosti na evropej-skom kontinente [Regional approach to environmental safety on the European continent] // Mir nauki. 1989. N 9. S. 18–21 (in Russian).
- Bzhezinskij Z. Vybor. Mirovye gospodstvo ili global'noe liderstvo [Choice. World domination or global leadership]. М., 2004 (in Russian).
- Braveman P. Health disparities and health equity: concepts and measurement // Annual Review of Public Health. 2006. N 27. P. 167–194.
- Burde P. Sociologiya social'nogo prostranstva [Sociology of social space]. М.; SPb., 2007 (in Russian).

Chelishchev V.I. Liberalizm — neoliberalizm — rynochnyj fundamentalizm: ot koncepcii svobody k totalitarnoj dogme (*Nachalo*) [Liberalism — neoliberalism — market fundamentalism: from the concept of freedom to totalitarian dogma] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2015. N 4. S. 27–49 (in Russian).

Chem bol'she zarabotok, tem chashche rossiyane vyhodyat v internet [The higher the earnings, the more often Russians go online] // NAFI: Analiticheskij centr. URL: <https://nafi.ru/analytics/chem-bolshe-zarabotok-tem-chashche-rossiyane-vykhodyat-v-internet/> (data obrashcheniya: 06.12.2018) (in Russian).

Cifrovaya gramotnost' dlya ekonomiki budushchego [Digital literacy for the economy of the future] // NAFI: Analiticheskij centr. URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost/> (data obrashcheniya: 14.02.2019) (in Russian).

Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health // World Health Organization. Commission on Social Determinants of Health — final report. Geneva, 2008. URL: http://www.who.int/social_determinants/thecommission/finalreport/en/ (accessed: 02.04.2019).

Collier P. Poverty and growth in Kenya // World Bank Staff Working Paper N 389. Washington, 1980.

Deursen A.J. van, Dijk J.A. van. The digital divide shifts to differences in usage // New Media & Society. 2014. Vol. 16. N 3. P. 507–526.

Dijk J.A. van. A theory of the digital divide // Informationsgerechtigkeit / Ed. by A. Schullerr-Zwierlein, N. Zillien. Berlin, 2012.

Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Perspektivy rossijskogo informacionnogo obshchestva: urovni cifrovogo razryva [Prospects of the Russian information society: levels of the digital divide] // Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya. 2019. T. 19. N 1. S. 108–120 (in Russian).

Doklad o mirovom razvitii 2003 goda. Ustojchivoe razvitie v menyayushchemsya mire. Preobrazovanie institutov, rost i kachestvo zhizni [2003 World Development Report. Sustainable development in a changing world. Transformation of institutions, growth and quality of life]. M., 2003 (in Russian).

Efimov K.M. Katastroficheskoe sostoyanie okruzhayushchej sredy kak negativnaya social'naya realiya XXI veka: diss. ... dokt. sociol. nauk: 22.00.04 [The catastrophic state of the environment as a negative social reality of the 21st century: Diss. ... doctor. sociol. Sciences: 22.00.04]. M., 2005 (in Russian).

Filosofiya Gerberta Spensera v sokrashchennom izlozhenii Govarda Kollinsa s predisloviem Gerberta Spensera [The Philosophy of Herbert Spencer in an abridged outline of Howard Collins with a preface by Herbert Spencer]. SPb., 1982 (in Russian).

Fridmen M. Svoboda, ravenstvo i egalitarizm [Freedom, equality and egalitarianism] // Fridmen M., Hajek F. O svobode. Seriya "Filosofiya svobody". M., 2003. Vyp. II (in Russian).

Fuko M. Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epohu [The history of madness in the classical era]. M., 2010 (in Russian).

Glass R. London: aspects of change. L., 1964.

Gofman I. Stigma: zametki ob upravlenii isporchennoj identichnost'yu. CH. 1. Stigma i social'naya identichnost'. Ch. 2. Kontrol' nad informaciej i social'naya identichnost' (glavy 3–6) [Stigma: Notes on Managing Spoiled Identity. Part 1. Stigma and social identity. Part 2. Control over information and social identity (chapters 3–6)]. URL: www.HSE.ru/Data2011/11/15 (data obrashcheniya: 11.05.2019) (in Russian).

Hajek F. O svobode [On freedom] // Fridmen M., Hajek F. O svobode. Seriya "Filosofiya svobody". M., 2003. Vyp. II (in Russian).

Hargittai E. Second-level digital divide: differences in people's online skills // First Monday. 2002. Vol. 7. N 4.

- Harvi D.* Kratkaya istoriya neoliberalizma. Aktual'noe prochtenie [A Brief History of Neoliberalism. Current reading]. M., 2007 (in Russian).
- Heywood A.* Political ideologies. An introduction. L., 1998.
- Kamel L.* Urban governance: the informal sector and municipal solid waste in Cairo // ARCHIS. 2002. N 12.
- Luhn A.* Moscow's industrial heritage 'at risk' in rush to redevelop old Soviet sites // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/cities/2016/aug/17/moscow-soviet-heritage-risk-redevelop-industrial-zil-car-factory> (accessed: 10.05.2019).
- Lyadova A.V., Lyadova M.V.* Social'naya innovaciya kak sposob preodoleniya social'nogo neravenstva v otnoshenii zdorov'ya [Social innovation as a way to overcome social inequality in relation to health] // Obshchestvo, sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2018. N 5. S. 15–19 (in Russian).
- Lyadova A.V., Lyadova M.V.* Social'no-pravovye aspekty razvitiya cifrovogo zdoroohraneniya [Socio-legal aspects of the development of digital health] // Byulleten' NCSSKH im. A.N. Bakuleva. 2018. T. 19. N 6 (in Russian).
- Marmot M.* The status syndrome: how social standing affects our health and longevity. L., 2004.
- Martinelli A.* Rynki, pravitel'stva, soobshchestva i global'noe upravlenie [Markets, Governments, Communities, and Global Governance] // Sociologicheskie issledovaniya. 2003. N 1. S. 16–28 (in Russian).
- Martynenko T.S.* Global'noe neravenstvo v sovremennyh social'nyh teo-riyah XX — nachala XXI v. [Global inequality in modern social theories of the twentieth — early XXI century] // Sovremennaya sociologiya: klyuchevye napravleniya i vektory razvitiya / Pod obshch. red. N.G. Osipovoj. M., 2018 (in Russian).
- McGranahan G.* Environmental health of ecological sustainability reconciling the brown and greed agendas in urban development // Sustainable Cities in Developing Countries / Ed. by C. Pugh. L., 2000. P. 73–90.
- Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 21.11.2011 N 323-FZ [On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation: federal. Law of November 21, 2011 N 323-FZ]. URL: <http://www.roszdravnadzor.ru/documents/100> (data obrashcheniya: 12.05.2019) (in Russian).
- Osipova N.G.* The global inequality: genesis, evolution, institutions and forms // Socioloska Luca. Journal of Sociology, Social Anthropology, Social Demography and Social Psychology. 2013. Vol. 2. N VII. P. 48–68.
- Osipova N.G.* Neravenstva v epohu globalizacii: sushchnost', instituty, regional'naya specifika i dinamika [Inequalities in the era of globalization: essence, institutions, regional specifics and dynamics] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2014. N 2. S. 119–141 (in Russian).
- Osipova N.G.* Istochniki i vidy social'nogo neravenstva [Sources and types of social inequality] // Obshchaya sociologiya: osnovy sovremennoj sociologicheskoy teorii. M., 2017 (in Russian).
- Osipova N.G.* Rynochnyj fundamentalizm kak istochnik global'nogo social'nogo neravenstva [Market fundamentalism as a source of global social inequality] // Predstavitel'naya vlast'. 2018. N 5–6 (164–165). S. 1–12 (in Russian).
- Polyakova N.L.* Oformlenie social'nogo neravenstva v praktikah povsednevnosti: istoricheskaya perspektiva [Making social inequality in everyday practices: a historical perspective] // Vestnik Moskovskogo univer-siteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2018. T. 24. N 4. S. 7–25 (in Russian).
- Rees W.* Is "Sustainable City" an Oxymoron? // Local Environment. 1997. Vol. 2. N 3. P. 303–310.

Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2017 [Russian statistical yearbook. 2017]: Stat. sb. M., 2017 (in Russian).

Sen-Mark F. Socializaciya prirody [Socialization of nature]. M., 1977 (in Russian).

Sim S. Fundamentalist world // The New Dark Age of Dogma. Cambridge, 2005.

Smith N. New globalism, new urbanism: gentrification as global urban strategy // Antipode. 2002. Vol. 34. N 3. P. 427–450.

Sorokin P.A. O prichinah vojny, ob imperializme, o teorii faktorov narodnichestva i mnogom drugom [About the causes of the war, about imperialism, about the theory of factors of “narodnichestvo” and much more] // Sorokin P.A. Zametki sociologa. Sociologicheskaya publicistika / Otv. red. A.O. Boronoev. SPb., 2000 (in Russian).

Soros Dzh. Krizis mirovogo kapitalizma. Otkrytoe obshchestvo v opasnosti [The crisis of world capitalism. An open society is in danger]. M., 1999 (in Russian).

Steger M. Globalization: a very short introduction. Oxford; N.Y., 2003.

Sustainable Development Goals. 17 Goals to transform our world. URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/health/> (accessed: 12.05.2019).

The digital divide. The Internet and social inequality in international perspective / Ed. by G.W. Muschert, M. Ragnedda. L.; N.Y., 2013.

Therborn G. Inequalities of the world: new theoretical frameworks, multiple empirical approaches. L., 2006.

Uajthed M., Dal'gren G. Konceptii i principy preodoleniya social'nogo neravenstva v otnoshenii zdorov'ya: voskhodyashchee vyvazhivanie. Ch. 1 [Concepts and principles for overcoming social inequalities in health: an upward alignment. Part 1] // Evropejskoe regional'noe byuro VOZ. Kopengagen, 2008 (in Russian).

Vershinina I.A. Problemy utilizacii othodov i social'no-ekologicheskoe neravenstvo [Problems of waste management and socio-environmental inequality] // Ekologiya i promyshlennost' Rossii. 2019. N 5. S. 52–55 (in Russian).

Vershinina I.A., Kurbanov A.R., Lyadova A.V. Promyshlennye zony v sovremennyh gorodah: istochnik social'no-ekologicheskogo neravenstva ili vozmozhnosti dlya procvetaniya? [Industrial zones in modern cities: a source of socio-environmental inequality or opportunities for prosperity?] // Ekologiya i promyshlennost' Rossii. 2018. T. 22. N 8. S. 65–71 (in Russian).

Voroncov N.N. Ekologicheskie krizisy v istorii chelovechestva [Environmental crises in the history of mankind] // Chelovek i sreda ego obitaniya. Hrestomatiya / Pod red. G.V. Lisichkina, N.N. Chernova. M., 2003 (in Russian).

Whitehead M. The concepts and principles of equity and health // International Journal of Health Services: Planning, Administration, Evaluation. 1992. Vol. 22. N 8. P. 429–445.

Whitehead M. WHO Collaborating Centre for policy research on social determinants of health // Levelling up. P. 1. A Discussion Paper on Concepts and Principles for Tackling Social Inequities in Health. Liverpool, 2006.

World Internet Users Statistics and 2019 World Population Stats // Internet World Stats: Usage and Population Statistics. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (accessed: 11.05.2019).